

**ГРЕБЕННИК Геннадий
Петрович**, кандидат
исторических наук, доцент
Института социальных наук
ОНУ

ТИПЫ И СТИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация

В статье предпринята попытка определения типов политического мышления на основе критерия, вытекающего из отношения политической целерациональности к моральной свободе политика. Автор описывает два “чистых” типа мышления в политике – макиавеллистский и кантианский. Далее, опираясь на понятие “стиль мышления”, введенное в свое время К. Манхеймом, автор дает собственное определение стилю политического мышления как системе идеологических ценностей. В политической истории сложилось три классических стиля - либеральный, консервативный и социалистический. В заключении статьи рассмотрено соотношение этих типов и стилей политического мышления.

Анотація

У статті здійснена спроба визначення типів політичного мислення на основі критерію, що впливає з відношення політичної цілерациональності до моральної свободи політика. Автор описує два “чистих” типи мислення в політиці - макиавеллістський і кантіанський. Далі, спираючись на поняття “стиль мислення”, введено у свій час К. Манхеймом, автор дає власне визначення стилю політичного мислення як системі ідеологічних цінностей. У політичній історії склалося три класичних стилі - ліберальний, консервативний і соціалістичний. У висновку статті розглянуте співвідношення цих типів і стилів політичного мислення.

Annotation

An attempt is made in the article to determine types of political thinking on the basis of a criterion arising from the relation of political rationality of a goal to moral freedom of a politician. The author describes two "pure" types of thinking in policy, viz. Machiavellian and Kantian thinking. Further, relying upon the concept of "style of thinking", introduced at one time by K. Mannheim, the author offers his definition of the style of political thinking as a system of ideological values. Three classical styles, viz. liberal, conservative, and socialist styles, have formed in political history. Relationship between these types and styles of political thinking is analyzed in conclusion.

В ряде публикаций авторы употребляют категории “типы” и “стили” политического мышления, не вдаваясь в объяснение содержания этих понятий. Вероятно, у них есть свои представления о различии и тождестве этих понятий. У меня, в свою очередь, есть своя версия различения этих категорий, которую я и

собираюсь изложить в этой статье. “Типы” и “стили” политического мышления – это методологические конструкции, позволяющие идентифицировать и классифицировать политические тексты, относя их к тому или иному определенному множеству политических учений и доктрин, образующему концептуальное единство. Задача и состоит в выяснении оснований, по которым такое становится возможным.

1.

Свой подход к типологизации политических дискурсов сложился у меня в голове в процессе размышления над фундаментальной проблемой отношений политики и нравственности или, другими словами, проблемой оценки морального фактора в политике. Эта проблема стала тем “золотым сечением”, которое позволило выделить два “чистых” типа политического мышления – *макиавеллистский* и *кантианский*. Оба названные типа внешним образом отталкиваются друг от друга и в то же время создают координаты смыслового поля в результате взаимодействия и взаимодополнения. В этом поле располагается огромное множество (в принципе неограниченное) дискурсов, которые образуются путем оригинального соединения элементов того и другого типа дискурсивности, то есть их природа эклектична.

Поскольку мне уже приходилось характеризовать эти типы [1], то я буду краток.

Макиавеллизм как тип политического мышления вполне узнаваем и верифицируем, во-первых, по своей теме – государство власти, технология овладения и удержания государственной власти, - и, во-вторых, по своим критериальным подходам к формулированию и решению политических задач. Это - установка на целерациональное объяснение и действие; опора на политический опыт великих предшественников; активность политического субъекта; постановка проблемы перехода от должного (цели) к реальному через оптимальную политику (средства), т. е. “правило оптимальных затрат”; решение вопроса о специфике *политической морали*, которая не совпадает с индивидуальной и религиозной моралью.

Оправдание власти – макиавеллизм явно включает в себя эту тему. В его текстах прочитывается мысль, что масштаб человека и размер имеющейся у него власти должны соответствовать друг другу. Великие потому и великие, что ставят перед собой исторические цели и добиваются их с использованием всего спектра отпущенных им средств. Кажется, узнаваемая формула: цель оправдывает средства. Но средства, которые не оправдывают цель, применять нецелесообразно. Вот в чем дело! Подлинно мудрые политики умеют так обращаться с властью, так оптимизировать цели и средства, чтобы затраты были наименьшими. Да нет же, – возразят мне, - война была любимым развлечением древних и средневековых государей, им в голову не приходило беречь людей. Но экономика войны была всегда. Войску надо платить. Так зачем же платить больше?

Итак, макиавеллистский тип мышления безошибочно определяется технологическим взглядом на принятие и реализацию управленческих (властных) решений.

В мире до сих пор распространено ошибочное мнение, что макиавеллизм полностью порывает с моралью, что это теория и практика имморализма. На самом деле Макиавелли считал, что в политике есть своя особенная, *политическая мораль*. Ее мотивация направлена на защиту и оправдание политических ценностей, которые всегда относительно, условны, изменчивы. Христианство такую мораль признать не может. Отсюда – историческое недоразумение. Суть макиавеллиевской морали сводится к тому, что все, что полезно государству, укрепляет его, *морально* оправдано. А полезна государству рациональная, эффективная, оптимальная политика. Не могут разум и мораль противоречить друг другу – такова по сути *просвещенческая установка* Макиавелли. В древности ее проповедовал Сократ.

Если макиавеллисты занимают позиции внутри политической сферы, то кантианцы формулируют свой взгляд на политику снаружи. Согласитесь, взгляд человека внутри автомобиля и взгляд человека, смотрящего на едущий автомобиль со стороны, – два разных взгляда. Так и в нашем случае: нам необходимо располагать двумя дискурсами, чтобы получить объемное, стереоскопическое представление о мире политического.

Говоря точнее, кантианский подход к политике – это взгляд не со стороны, а *из глубины* человеческого сознания, который оказывается взглядом *с высоты* человеческого духа. Это – контрольная оценка мотивов политических субъектов с точки зрения абсолютных ценностей, каковыми являются добро, свобода, долг. Поэтому абсолютная мораль есть мотив мотивов. Ее специфика в том, что она не создает какие-либо внешние предписывающие нормы, которые можно предъявить другому индивиду, а есть форма самообязывания и выражается в категоричных запретах не делать того, чего делать нельзя ни при каких условиях [2]. Если этот запрет нарушается, то в жизни человека образуется *бытийственная пробоина*. Это ведет к разрушению личности. После этого дальнейшая цепь его жизненных поступков складывается уже не так, как должна была бы сложиться, будь он на высоте своего человеческого достоинства. Это только на первый взгляд кажется, что речь идет о высокопарных вещах, не имеющих отношения к политической прагматике. Политические деятели чаще других оказываются в ситуациях выбора, который отягощен тяжелейшим нравственным грузом. Здесь можно говорить о *морально-политической амортизации* политической личности: она тем выше, чем сложнее альтернативы, требующие от нее выбора.

Кантовский дискурс в политике начинается с утверждения, что общество составляют автономные индивиды, обладающие свободой самоопределения. Свобода – сущностное определение человека. Она есть причина самой себе, то есть не имеет внешних причин для самовыражения. Но тогда возникает вопрос: как возможна свобода в эмпирическом мире или, применительно к нашему предмету, *в мире политического*? Ведь если руководствоваться макиавеллистской моделью *человека политического*, то его действия обусловлены внешними обстоятельствами – групповыми интересами, реакцией на поведение оппонентов и союзников, предположениями о вероятном ответе на собственные шаги и т.д. и т.п. Если это так, то теряется смысл говорить о какой-либо нравственности, свободном волеизъявлении, моральной ответственности политика.

К счастью, это не так. Антиномия свободы и необходимости практически разрешается в поступке, который всегда содержит в себе акт свободы. Есть простое рассуждение, которое можно рассматривать как доказательство от обратного наличного присутствия свободы. Если бы мы захотели принять решение, руководствуясь исключительно детерминизмом, то в поисках последней причины мы уперлись бы в бесконечность и не сдвинулись с места. Тем не менее каждый из нас принимает ежедневно те или иные решения, то есть *произвольно* обрывает причинно-следственную цепочку. Значит, в каждом нашем решении, в каждом поступке содержится нечто не обусловленное внешними обстоятельствами. Это и есть *акт свободы*. Если политик говорит, что у него “не было другого выхода”, то он лжет себе и другим, потому что у него всегда есть возможность оставаться человеком, то есть моральным, свободным существом.

Социальная жизнь представляет собой порядок, который накладывает ограничения на индивидуальную свободу. Политика является одним из способов организации социального порядка. В этой сфере свобода проявляет себя как политические свободы, или права.

Чрезмерная, анархическая свобода разрушает социально-политический порядок, ведет к хаосу. Тоталитарный порядок, видящий в свободе преступление своеволия, откровенно совершает покушение на высшее начало в человеческой природе. Единственно разумным является счастливо найденный компромисс между свободой и порядком, индивидуальным духом и социальным телом. Чем гибче, совершеннее порядок, тем больше степеней свободы он допускает, тем лучше внешние условия для прогрессивного воспроизводства указанной дихотомии.

Итак, кантовский мир населен свободными индивидуумами, сознательно полагающие свой долг в делании добра окружающим людям, в уважении их свободы. Вопрос ставится Кантом так: каким должно быть государство, чтобы удовлетворять требованиям таких субъектов, чтобы быть достойным своих граждан? Это очень важно: не граждане для государства, а государство для граждан. За одну такую постановку вопроса все либералы мира должны “скинуться” и поставить Канту памятник из золота выше американской статуи Свободы. Ответ Канта на это вопрос таков: в государстве должна жить политическая свобода, значит оно должно быть правовым; государство должно быть республикой, значит исполнительная власть должна быть отделена в нем от законодательной.

Эмпирия политики, конечно, огрубляет идею, а зачастую искажает ее под предлогом благоразумия. Есть мудрость и есть благоразумие; есть долг и есть интерес. Разумеется, далеко не всегда они могут вступать в непримиримое противоречие. Но всегда действующий политик, в первую очередь, государственный деятель *должен* отдавать себе ясный отчет, в каком отношении его нравственный долг находится к государственному интересу. От этой дилеммы нельзя укрыться.

Итак, если мы вошли в кантовский мир, в мир кантовского мышления, то “вынуждены” подчиниться закону движения кантовской мысли, а он устанавливает правило: говорить о политике в контексте наличия в ней

свободного самоопределения и моральной воли. Иначе существует большая угроза выпасть из него.

Из того, что уже сказано, понятно, насколько трудно в практической политике протекает диалог между макиавеллистами и кантианцами, ведь они “молятся разным богам”, исповедуя разные системы ценностей. Тем не менее этот диалог необходим для общего баланса. Для примера – Горбачев и Сахаров. Первый – макиавеллист, пожелавший принять кантианские принципы. У него из этого ничего не вышло. Второй – последовательный кантианец, ощущавший свою чужеродность в мире политики. Общение им давалось чрезвычайно тяжело, однако оно явило нам редчайшую в истории России попытку дружественного диалога власти и гражданского общества. Ее неудача имела символическое значение и фактически определила катастрофу “перестройки” и советской государственности.

Я вполне допускаю, что существуют или есть возможности создания других типологий политического дискурса. Речь идет о степени универсальности их применения. В нашем случае угол зрения создает отношение морали к политике. Оно тождественно отношению личности к социуму, свободы к порядку. Это – фундаментальное отношение, которому в политическом дискурсе соответствует различие между кантианцами и макиавеллистами. Аргумент в отношении “неполитичности”, “практического бессилия”, “формализма” и т.п. кантовской морали в данном случае бьет мимо, поскольку речь идет не о политической практике, а о политической теории.

2.

Любой политический текст можно идентифицировать не только с точки зрения его принадлежности к определенному типу мышления, но и к определенному политико-идеологическому направлению. Затруднение может вызвать то, что современные политические идеологии и программы представляют собой, как правило, синтетическое слияние идей, принципов и положений “чистых”, классических идеологий прошлого. Тем не менее все современные идеологические смеси содержат в себе компоненты основных трех политических идеологий, *трех стилей политического мышления*, которые формировались на Западе в течение трех с лишним столетий и отлились в классические формы в XIX-м веке. Этими стилями являются *либеральный, консервативный и социалистический*.

Понятие “*стиль мышления*” ввел выдающийся немецкий философ и социолог Карл Манхейм (1893-1947) в работе “Консервативная мысль”. При этом он использовал аналогию с понятием стиля в истории искусства. “Я выдвигаю тезис, - писал Манхейм в указанной работе, - что человеческая мысль также развивается “стилями” и что различные школы мышления можно различать благодаря различным способам использования отдельных образцов и категорий мышления. Таким образом, должна быть возможна “локализация” анонимного текста как анонимного произведения искусства...” [3].

Основываясь на этом положении Манхейма, можно дать следующее определение: *стиль мышления – это проникнутая внутренним единством система взглядов, охватывающая не только политику, но и другие сферы*

общественного сознания – искусство, литературу, философию, историю и т. д. Со временем он испытывает определенные изменения, модификации вплоть до слияния с другими стилями. Судьба стиля мышления тесно связано с судьбой его носителя – той или иной социальной группы (класса, нации, этноса, партии, профессионального отряда).

Для углубления характеристики стиля мышления Манхейм ввел также понятие “*основополагающего мотива*” по аналогии с понятием эстетического мотива. Основополагающий мотив есть системообразующая идея, определяющая мировоззренческую целостность данного стиля мышления как подхода к жизни.

Чтобы описать *характер* стиля мышления, надо разложить его на отдельные элементы, которые мы назовем *принципами*. Принципами поздний И. Кант называл *далее неразложимые факты*. По Канту, принципы как внутренние исходные причины поведения субъекта образуют его характер, то есть способ устойчивого реагирования на внешний мир. “... иметь характер, - замечал Кант, - значит обладать тем свойством воли, благодаря которому субъект делает для себя обязательными определенные практические принципы, которые он собственным разумом предписывает себе как нечто неизменное”[4]. Следовательно, если дать описание характера *чистого* либерала, *чистого* консерватора, *чистого* социалиста, то это и будет характеристикой классических стилей политического мышления.

Любой стиль мышления имеет своим источником идеальные ценности, высокие нравственные идеи и принципы, заложенные в самой человеческой природе. Такие ценности “вечны” в том смысле, что ни одна эпоха не может претендовать на их первооткрытие. Однако каждый стиль мышления придает им свои особые, отличительные смыслы и значения. Например, этимология указывает на связь между “либерализмом” и “свободой” (liberty). Кажется, что идея свободы и является системообразующей идеей либерализма. Но это не совсем так, поскольку сама по себе идея свободы не является исключительной собственностью либерализма. Ещё К.Ясперс отмечал: “...Все народы, все люди, представители всех политических режимов единодушно требуют свободы. Однако в понимании того, что есть свобода и что делает возможным её реализацию, все сразу же расходятся... Самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы...”[5]. Например, трудно представить себе нечто более антилиберальное, чем фашистская трактовка свободы. Однако она имеется и по сути совпадает с консервативной установкой на свободное развитие личности в интересах государства и нации. Либерализм же своим основополагающим мотивом делает *индивидуальную свободу*.

То же самое можно сказать об идеях равенства и справедливости. Казалось бы, идея равенства является “коньком” социализма. Почему же тогда в среде либералов не утихает спор о том, какая из идей – идея свободы или равенства – является ключевой в либеральных проектах? Так, ведущий западный теоретик либерализма второй половины XX-го столетия Р. Дворкин утверждал, что “главным нервом либерализма является определенная концепция равенства” [6]. Получается, что идеи являются универсальными формами, которые заполняются разнообразным ценностным содержанием, по-разному воспринимаются представителями различных политических течений. Поэтому и судить об этих идеях в их стилевом выражении нужно конкретно.

3.

Осталось ответить на вопрос, каково соотношение типов и стилей политического мышления.

Начнем с консерватизма. Консерватор А.И Солженицын исходит из того, что мораль первична, а политика и право вторичны. Политика, преследующая лишь интересы, безнравственна. Требования, предъявляемые к личной нравственности, должны прилагаться и к политике государств. И т. п. Это явно кантианский стиль мышления. Другой столп российского консерватизма К.Н. Леонтьев мыслил в макиавеллистском ключе. В его глазах неправовые действия государства или безнравственные поступки отдельных государственных лиц оправданы, более того, являются благом, если они направлены на охранение самого государства и тех социальных форм, которые находятся под его защитой. В подтверждение этого тезиса Леонтьев приводил исторические примеры преступных, но политически целесообразных, с его точки зрения, действий - казни королей, убийство президента США, покушение на императора Франции и т. п.

Либеральные доктрины Дж. Локка, Б. Констана, Дж.Ст. Милля, Б. Кроче, Р. Дворкина, в целом либерализм прав человека могут быть отнесены к кантианскому типу, а социал-дарвинизм, институциональный либерализм К. Поппера, или, например, экономический либерализм строят свой дискурс по типу макиавеллизма. Концепция этического социализма относится к широкому кантианскому течению, а, например, научный социализм (марксизм) впадает в макиавеллистский дискурсивный поток.

Если подытожить высказанные аргументы, то получается следующая картина. Представители всех трех классических стилей мышления могут принадлежать к одному и тому же типу политического мышления, а внутри каждого стиля можно встретить образчики и кантианского, и макиавеллистского типа.

Литература

1.См. Гребеннік Г.П. Макиавеллізм і цинізм // Держава і право. – Вип. 23. – К., 2004. – С. 111-

114; Его же. Типи homo politicus і інтелігентська свідомість // Інтелігенція і влада: наук. зб. – Вип. 2. – Одеса, 2004. – С. 42-53. 2. См. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопр. философии. – 2003. - № 3 – С. 3-12. 3. Манхейм К. Консервативная мысль. – В кн.: Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 573. 4. Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. - С. 570. 5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С.166. 6. Дворкин Р. Либерализм. – В кн.: Современный либерализм / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой – М., 1998. - С. 46.

Опубликовано в журнале “Перспективи” : науковий журнал. - 2004. -1(25). – С. 26 – 30.